

Война в поэзии камчатских авторов

Акшинский В. С. *Для Победы ничего не жалко* / В. С. Акшинский. – Петропавловск-Камчатский : Камч. печ. двор, 2000. – 63 с.

Герой

*Памяти участника боев за
освобождение Курильских островов,
артиллериста младшего сержанта
Петра Коновалова*

В горячке десанта
Не все я запомнил –
Как в воду бросались,
Как к берегу плыли,

Как глохли от взрывов
Вагровых, огромных,
Как пушки на взгорья
Руками катили.

Забылись волнения,
Забылись тревоги.
Но в память мне врезался
Бой скоротечный.

Открытое поле,
Холмы у дороги,
Японские доты,
Огонь бесконечный...

Лежала пред дотами
Наша пехота,
Готовая взять их
Любою ценою.
Своих пушкарей
Боевого расчета
Привел Коновалов
Сюда стороною.

Для Победы ничего не жалко

Тыл и фронт у нас – лагерь единый,
Боевая кузница побед.
Молод ты иль голова в сединах –
От тебя врагу пощады нет.

Смертный бой идет, святой и правый.
У станка работай за троих,
Пусть на фронт идут, идут составы,
«Смерть врагу!» – написано на них.

Для Победы ничего не жалко,
Отдаем и силы, и рубли,
Чтоб и в небе фрицам было жарко,
Чтоб смести их прочь с лица земли.

С фронтом тыл несокрушимо дружен.
Всем нам Родина – защита, мать и дом,
Мы готовы бить врага оружием.
Долг и честь – громить врага трудом.

Остров Шумшу

Сейчас это даже красиво –
Скалы, прибой, маяк...
А мы наступали с пролива
В промозглый ревуший мрак.

Навстречу нам разъярено
Японцы били в упор
Из дотов железобетонных,
Из скал и расщелин гор.

Десантные баржи горели,
От взрывов кипела вода.
Но мы отходить не хотели –
за этим ли шли сюда?

И в волны с бортов бросались,
И плыли в кругах огневых.
Где павшие оставались –
Живые мстили за них.

Вставала за ротою рота
И с ходу кидалась в бой –
Сквозь шквальный свинец пулеметов,
На вражеских смертников строй.

А после нам чудом казалось –
Ведь нашим десантом взята
Вон та, что огнем отгрызалась,
Вулкану под стать высота.

И крикнул он: – К бою!
Моргнуть не успели –
Артиллеристы
С орудием слились.
Земля задрожала,
Осколки запели,
И вражьи преграды,
Осев, задымились.

Прямая наводка!
Под их канонаду,
Гордясь храбрецами,
Ворвалась пехота
На важный рубеж –
Сквозь стальную преграду –
Где тлели обломки
Японского дота.

А Петр Коновалов
На месте остался,
Не вскрикнув, не охнув,
Прижавшись к бурьяну.

Над островом памятник
К небу поднялся –
Лежит там герой
Головой к океану.

Моряки

Когда десант наш от огня спасая,
Мы шли на доты, где блеснит маяк,
Нас вел вперед, винтовкой потрясая,
Гранатами обвешенный моряк.

В атаках он под дулами не гнулся,
По амбразурам бил наверняка.
К своим товарищам он не вернулся.
Бессмертна слава друга-моряка.

Была в бою минута роковая:
Еще лишь миг – и ликовал бы враг.
Японцев, смерть и трусость презирая,
Под танк с гранатой кинулся моряк.

Взметнулся взрыв, и танки сразу стали,
Не смея подойти издалека.
Быть как товарищ наш – мы клятву дали.
Бессмертна слава друга-моряка.

Мы вплавь до скал и мелей добирались,
Но смяли самурайские полки.
Как львы, за Родину отважно дрались
Геройские ребята-моряки.

Бежали в панике японские солдаты:
Они запомнили на все века
Шинели черные, тельняшки и бушлаты.
Бессмертна слава друга-моряка!

Этот день никогда не забыть

Этот день никогда не забыть –
Над планетой война отгремела.
Пушкам незачем больше палить,
И как будто земля онемела.

Все мы верили: время придет –
Тишина разольется по свету.
Воин знал – человечество ждет
Тишину необычную эту.

Все он видел – и раны, и смерть,
И противника с хваткой звериной.
Надо силу большую иметь,
Чтоб дойти от Москвы до Берлина.

Воин все произвел в пути,
Бил японцев на сопках маньчжурских.
Нелегко и с Амура дойти
До скалистых твердынь порт-артурских.

Снова полночь огнями цветет,
С окон темные сняты повязки,
И любому, кто с фронта придет,
Хоть на миг, все покажется сказкой.

Сын обнимет родимую мать
И пройдет по горнице браво.
Будет ярко над миром сиять
Победителей вечная слава.

Корнев Р. Осенний бриз / Р. Корнев. – Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2004. – 104 с.

Незабываемое (дяде Володе)

Я не был там, где бомбы рвались,
Не знал, какой была война.
Но дядька мой достал медали,
Потёр тряпицей ордена.
И говорит: "Свой первый орден
Я получил за языка.
По вражеским траншеям ползал...
Второй, как помню, – высота
Вся обагрилась вражьей кровью", –
И отложил его с любовью.
"А третий – Красная Звезда
(Жалею, что эмаль скрошилась):
Вторые сутки рота билась...
Я заглушил гранатой дот –
Товарищи пошли вперёд,
А я упал у амбразуры,
Прошитый, словно решето.
И помню снег от крови бурый,
И бурый в зареве восток.
Мне этот снег казался пухом.
Я в нём тонул, был им зарыт.
Я был войной по горло сыт,
Но полз вперёд, не падал духом...
Зловещий, беспощадный вал.
Война – она сродни цунами.
Кто это пекло повидал,
Уж не забудет и с годами.
Разруха, голод, плач детей,
Увечья, грохот канонады...
Нет уж! Видать войну не надо
И забывать нельзя о ней".
Медали бережно придвинув:
"Варшава, Прага, Бухарест...
Нелёгким маршем шли к Берлину".
И замолчал, прервав беседу,
Была в глазах его печаль,
В ладони сжал одну медаль –
Медаль за подвиг, "За победу"...

Вечные огни

Выстрелы трещали, нарастая.
Гарью покрывался листопад.
Шли враги по следу волчьей стаей,
Он стрелял, он прикрывал отряд.

"Нет, живым не выйти мне из боя, –
Думал, нажимая на курок, –
Погибать, так пусть погибну стоя..."
Только встать, израненный, не мог.

Ещё пули цель свою искали,
Ещё жизнь чуть-чуть теплилась в нём,
А кольцо каратели смыкали;
Пировать слеталось вороньё.
А потом – сожжённые деревни

И овчарок острые клыки...
Шёл он, обессиленный, последним,
Телом натываясь на штыки.

Нет, враги не ставили надгробья
Тем, кто и под пытками молчал.
И в глазах его, залитых кровью,
Приговор был смертный палачам.

Жив он, жив. Герой не умирает.
Подвиги бессмертию сродни.
И горят, горят, не угасают
Обелисков вечные огни.

Кравченко И. Грань земли : стихи / И. Кравченко. – Москва : Воен. изд-во, 1978. – 96 с.

Грань земли

Снова я на маленькой станции.
Закрываю глаза... Как во сне
громыхают платформы с танками
и дрожит сирень на броне.

И, склонивши чуть набок голову,
на гармошке играет танкист
подпевая охриплым голосом
про берез невесомый лист.

А перрон и пляшет, и плачет...
Гимнастерки, цветные платки...
Здесь глаза от счастья не прячут,
глаз не прячут и от тоски.

Как я жадно глядел на фуражки,
как я слез удержать не мог,
когда обнял рыжего Пашку
настоящий отец без ног.

Нам обида давила души,
все отцов мы ждали. Скорей!
Но составы стучали, и суше
становились глаза матерей.

Кравченко И. Крылатые кони / И. Кравченко. – Москва : Сов. писатель, 1987. – 112 с.

Эхо войны

Заросли лебедою воронки,
по весне снятся легкие сны.
Но хранятся в домах похоронки
на солдат, не пришедших с войны.

Хоть сирены давно отзвучали,
вдруг былое нахлынет опять.
И протяжно вздыхают ночами
и вдова, и солдатская мать.

Жизнь сложилась не очень-то сладко –
и Победу встречали не все,
и суровое слово «солдатка»
было познано в полной красе.

Та – вдова, та – жена инвалида,
дети малые – в доме одна...
Не согнула их боль и обида,
не сломила их силу война.

Как могли помогали друг другу,
жили просто, без лишних затей.
Одолели и боль, и разруху,
поднимая страну и детей.

Мужикам было все-таки проще:
в День Победы медали на грудь –
и за городом в солнечной роще
на природе друзей помянуть.

Вспомнив прошлое, слез и поспоря,
отрешиться от мелких забот,
а потом кто на шахту, кто в море –
разойтись и не видеться год.

Грозы падают. Пенятся реки.
Пар валит от нагретой земли...
А по миру все ходят калеки,
в грудь планеты стучат костыли.

Науменков В. Три брата / В. Науменков, В. Пустовит, А. Саньков. – Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2008. – 108 с. – (Библиотека «Новой книги») (Малая серия).

Памяти отца

Он был один, лежал среди долины
Иван российский, длинный и худой,
как путь его среди окопной глины,
как капля крови на земле сырой.

Лежал Иван. Был крест из бересклета,
поставленный потом в краю родном,
в который бил осатанело гром,
не находя Иванова портрета.

Стояла наша хата ветхо-ветхо,
одежкой зелёной обрастала,
обмотками с неё свисали ветки,
и сквозь неё эпоха прорастала.

У диких трав,
у красных ягод волчьих
я был потом и видел сквозь кусты:
Ивановы отчаянные очи
горели всё и не могли остыть.

Саньков А. Ветераны

Как изжить седину?
По какому рецепту?
За былую войну
память держится цепко.
Мы горели в огне,
но дотла не сгорели.
И воскресли во мне
города и деревни,
где пришлось нам пройти
дважды, горе изведав:
первый раз – Бог простит...
а в другой раз с победой.
Пусть горят ордена
на груди ветеранов –
будоражит война
нашу память и раны.
Но уж коли в живых
нас оставили судьбы,
мы войне быть должны
неподкупные судьи.
Не изжить нам седин.
Да оно и не нужно.
Лишь бы мир не водил
больше дружбы с оружием.

*Науменков В. У этих каменных берез / В. Науменков. – Петропавловск-Камчатский :
Дальневост. кн. изд-во, 1980. – 95 с.*

***

Мы не запомнили отцов –
перед войной на свет явились,
и без отцов на жизнь крестились
бедой и гибельным свинцом...

Шинели их, обмотки их,
в воронках помним поле,
вот только облика живых
мы никогда не вспомним.

Каким ты был, когда орда
пред Родиной предстала,
когда ушел ты навсегда,
каким, когда тебя не стало!..

Как оживить твое лицо –
меня ночами память мает,
но темнота лишь наплывает –
мы не запомнили отцов.

***

Горели хаты и поля,
а ей, войне, все было мало.
И не рождала хлеб земля –
в себя погибших принимала.

Один упал, другой упал,
взглянув как догорают хаты...
И шли, и шли по колоскам,
по полю пахари-солдаты.

На запад дальше шла война.
И продолжая путь свой древний,
бросали в землю семена
освобожденные деревни.

*Пустовит В. Безыдейный поцелуй / В. Пустовит. – Петропавловск-Камчатский :
Дальневост. кн. изд-во., Камч. отд-ние, 1994. – 95 с.*

Слово отца

Мы видели в глазах людей укор,
когда в бинтах мы отходили, в саже.
А после нас их через час – в упор.
А через два их – в землю заживо.
Мы эту нашу страшную вину
впервые осознали в наступленьи.
Её мы не списали на войну,
не искупили ни в одном сраженьи.
И лишь потом, в пленённых городах,
где месть не помутила разум –
не отплатили тем же – лишь тогда
вина
нас отпустила...
Но не сразу.

Боль

Ветеран – такого слова не было.
Было – точно помню – фронтовик.
Привилегий для себя не требовал
и калека даже – не привык.
Да и что дала бы им Россия,
голодая, мучаясь опять,
кроме хлеба, далее синих,
от которых глаз нельзя отнять?..
Сколько их, прибитых к самокатам
(на коленях – нам, мальчишкам, в рост),
заодно с военными плакатами
отнесло ветрами под откос!
А медали, ордена и раны
оставались продолжавшим жить –
кто теперь зовётся ветеранами,
с кем за честь встречаться и дружить.
...Я боюсь в газетах чёрных рамок,
как боялся в детстве я калек,
для кого был мукою прилавков, –
не забыть мне этого вовек.
Не забыть вокзалов тусклых копоть,

расходящихся путей больничный шов
и – по пояс, навсегда в окопе –
человека, что рывками шёл...

*Ривкин Р. С. Дальний берег / Р. С. Ривкин. – Петропавловск-Камчатский : [б.и.], печ. 2003
(Тип. «ПСВ»). – 216 с.*

Солдаты помнят войну

Сегодня снова слышен гром войны
Далёко и у стен России.
Где дым столбом под небом синим,
А люди там решимости полны.

Но это уже новая война...
А прежняя – давно в легенде:
Припомнится лишь
в праздниках она
Иль в важном ветеранском деле.

Не знают дети правды той войны.
Она не вложена в их книги.
Расскажут ветераны той беды
И их друзья, что были с ними.
Седые, опалённые огнём.
Солдаты помнят запах дыма
И раны,
что получены свинцом.
Им память на всю жизнь хватила.

Они расскажут правду о войне.
Когда в мороз сражались лютей,
Промозглой осенью и по весне,
И до Победного салюта.

В большой войне,
что Мировой звалась.
Страну солдаты защищали.
Земля в огне
от тонных бомб рвалась.
Как тишины не доставало!

*Ривкин Р. С. И дни и годы / Р. С. Ривкин. – Петропавловск-Камчатский : Камч. печ. двор,
2000. – 140 с.*

Хранится в памяти война

Ты, память, не померкнешь, нет!
Не смеешь ты утратить
Огонь пожарищ, гул ракет, –
Всего надолго хватит.

Расскажешь о ночных боях,
О танковых атаках,
О славных павших сыновьях,
О тех,
кто их оплакал.

Вернешь потомкам Ленинград,
Голодный

и холодный.

Вернешь в руинах Сталинград,
Измученный,

но гордый.

Ты, память, сохранишь в веках
У стен Москвы

сраженье,
Когда, отбив врага, в снегах
Пошли мы

в наступленье.

Пусть знают сын, и дочь, и внук,
Как землю защищали;
Что значит

страх и боль разлук,

Хоть смерти не искали.

Как сплав из гнева и любви,
Война в душе томилась,
Но в жилах

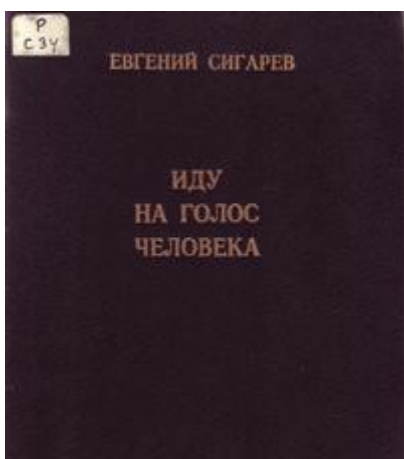
стынувшей крови

Любовь жила, светилась.

Хранится в памяти война!

Народ во все столетья
Бокалом крепкого вина
Помянет лихолетья.

Сигарев Е. Иду на голос человека / Е. Сигарев. – Москва : Вешки-М ; Петропавловск-Камчатский : Камчаткнига, 1995. – 424 с.

Памяти бронбойщика Ивана Сигарева

Не канувший в дыму путей окольных,
Не стинувший в бомбежках под Москвой,
Пришел в Сибирь почтовый треугольник
С бесплатным штампом почты полевой.

Был строгим стиль,
И строчки не кричали.
Писал привычно писарь о бойце.
Он всех родных перечислял в начале,
И все, как есть, описывал в конце.

Шел бой как бой,
Сраженье как сраженье,

Дворы в селе воронками изрыв.
Была атака местного значенья
И «тигров» угрожающий прорыв.

И вот тогда он наискось метнулся...
И видел каждый, кто остался жив:
"Фашистский танк подпрыгнул, как споткнулся,
Плеснул огнем, на месте закружив.

Наполз на оглушенного парнишку
И смертно задрожал,
Съезжая в ров.
И смял металл в красноармейской книжке
Фамилию сержанта:
Сигарев.

Потом война,
Колонна за колонной,
Ушла на Запад, грохоча в пыли.
Солдаты из команды похоронной
Сержанта, в землю вмятого, нашли.

Была пилотка рваная в мазуте,
И обгорелый ватник дымом пах.
Пылало небо, чистое до жути,
В его остановившихся глазах.

Чернели «тигров» мертвые коробки.
Желтело перед бруствером жнивье,
Где в россыпи латунных гильз
На взлобке
Остыло бронебойное ружье.

И бой остыл.
А он остался в песнях,
Причислен к славе павших за страну.
Он был мне по годам почти ровесник,
Но старше стал на целую войну.

Его домой земля не отпустила
На поле боя всходят зеленыя.
По всей Европе русские могилы
Светлы от бликов Вечного огня.

Стариков Н. Тем жив и счастлив / Н. Стариков. – Москва : Воен. изд-во, 1989. – 270 с.

Остров Шумшу (отрывок из поэмы)

...Прижались роты
Накрепко к земле,
Оружие
Беспомощно замолкло..
Кто был тогда
В оставшемся числе, Тот помнит,
Как по обожженно-колким

По травам,
По кустарникам
Вперед
Полз старшина,
Зажав в руке гранаты,
Как бешено
Отплевывался дот.
Неотвратимо чувствуя
Расплату.

Полз старшина,
Любимец моряков,
Любитель
Мирных шлюпочных баталий,
Но в этот день
Был Николай Вилков
Сам острием
Готовой к мщенью стали.

Лицом к лицу,
Они в бою сошлись:
Моряк и дот,
Былинка и громада.
Один -
Собою прикрывая жизнь,
Шел,
Чтоб всегда
Торжествовала правда.

Другой -
На обреченном рубеже
Противника
Нащупывая взглядом,
Был возведен,
Чтоб сеять смерть и жечь...
Они сошлись -
Былинка и громада.

Встал старшина,
Взмахнул рукой -
И взрыв
Потряс весь остров,
И рванулись роты,
Но, сдерживая
Яростный порыв,
Опять
Заговорили пулеметы.

Уже спешил
На помощь старшине
Петр Ильичев,

Отважный комсомолец:
Ведь есть мгновенье
На любой войне,
Когда
Не пересилить чьей-то боли.

Вилков махнул
Товарищам рукой,
Прощая или предостерегая,
Шагнул к огню
И, дот закрыв собой,
Подвел черту
В сражении с врагами.

Не видел он,
Как Петр Ильичев
Метнулся к амбразуре,
К той, что рядом,
Как моряки в атаку
Шли без слов.
Где говорят штыки –
Там слов не надо!...